

ДИНАМИКА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии на основе двух интеллектуальных коалиций. Первая коалиция (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза) позволила раскрыть способы легитимации знания в контексте двойственности эмпирических и рациональных подходов, которые, соответственно, не допускают выход за пределы имманентности государственности и регламентируют ее теоретическое осмысление посредством монотонных дискретных принципов. На основе второй коалиции (Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза) прослежены и раскрыты изменения в схемах категоризации и концептуализации государственности, обоснована необходимость различения в них явных (скрытых) и поверхностных (глубинных) структур. Аргументировано, что культурный трансфер категориальных и концептуальных особенностей в современные исследования государственности возможен только в динамике их взаимосвязей.

Ключевые слова: эпистемологические образы государственности; новоевропейская философия; категоризация; концептуализация; легитимация государственности; прагматика государственности.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной программы научных исследований «Философия государственности: основные модели в интеллектуальной культуре Беларуси» (проект № ГР 20212361).

DYNAMICS OF THE EPISTEMOLOGICAL IMAGES OF STATEHOOD IN NEW EUROPEAN PHILOSOPHY

S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the categorical and conceptual features of the dynamics of epistemological images of statehood in the new European philosophy based on two intellectual coalitions. The first coalition (F. Bacon, R. Descartes, B. Spinoza) made it possible to reveal the ways of legitimising knowledge in the context of the duality of empirical and rational approaches, which, accordingly, do not allow going beyond the immanence of statehood, and regulate its theoretical comprehension through monotonous discrete principles. On the basis of the second coalition (R. Descartes, T. Hobbes, J. Locke, B. Spinoza), changes in the schemes of categorisation and conceptualisation of statehood are traced and disclosed, the need to distinguish between explicit (hidden) and superficial (deep) structures is substantiated. It has been substantiated that the cultural transfer of categorical and conceptual features into modern studies of statehood is possible only in the dynamics of their interconnections.

Keywords: epistemological images of statehood; new European philosophy; categorisation; conceptualisation; legitimisation of statehood; pragmatics of statehood.

Образец цитирования:

Воробьева СВ. Динамика эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;3:13–22.

For citation:

Vorobyova SV. Dynamics of the epistemological images of statehood in new European philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:13–22. Russian.

Автор:

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru

Acknowledgements. Research conducted within the framework of the state program of scientific research «Philosophy of Statehood: Basic Models in the Intellectual Culture of Belarus» (project No. ГР 20212361).

Введение

В условиях турбулентности глобального мира, смещения акцентов с глобализации на регионализацию, с одной стороны, в большей степени актуализируются позитивные аспекты государства и государственности, с другой – теряют весомость аргументы их негативного восприятия. В частности, вывод Ф. Фукуямы о «конце истории» уже считается критически мыслящими людьми ошибкой «поспешного обобщения» [1, с. 2]. Она заключается в метафорическом означивании окончания противоречий, обусловленных идеологическими противостояниями, и начала перехода к идиллическому миру, в котором будет реализован эталон демократии с неспешным развертыванием событий без соперничества или конкуренции. Несовместимость подобного умозрительного утопического контекста с реальными условиями развития цивилизаций, в котором кризисы глобализации преодолевают национальные государства [2], обостряет необходимость обращения к становлению эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии. Прослеживание динамики таких образов позволяет, во-первых, актуализировать конструктивные способы мышления и схемы понимания их создателей (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза), во-вторых, оценить возможности культурного переноса этих образов в современный контекст изучения государственности.

Для понимания и оценки динамики эпистемологических образов государственности важно учитывать модальный контекст знаний и мнений, который репрезентирует условия порождения самих образов как концептуально-понятийного содержания в определенном дискуссионном поле. Таковыми являются в первую очередь фоновые знания в качестве историко-культурного контекста развития, который, составляя совокупность условий, предпосылаемых непосредственно знаниям, затрудняет соизмеримость концептуально-категориальных картин мира и их тезаурусов. Актуальные ситуации несоизмеримости в культурных взаимодействиях связаны с эпистемической логикой, недооцененной в современных социально-политических исследованиях. В ней расширяется толкование исходного гносеологического тезиса достоверного знания *истинно, следовательно, необходимо* посредством разворота к предположительному знанию с допущениями и гипотезами, где наряду с модальностью *необходимо* наличествуют иные способы установления связи в рассуждении (например, *случайно, воз-*

можно, должно быть, обязательно, разрешено). Так, условием внесения ясности относительно эпистемологических образов государственности служит их модальная конкретизация. Она позволяет оценивать расхождение или столкновение разных точек зрения именно с позиции не гносеологических, а эпистемологических значений, различающихся модальностями реальности, существования, должностования, побуждения, желания, надежности и др.

Преимущество использования методов эпистемической логики заключается в том, что она является логикой модальностей знания и мнения (эпистемических модальностей) некоторого идеализированного агента (актора), отличающихся от асерторических пропозиций в классической логике. Это означает, что модальный контекст репрезентирует условия порождения самой пропозиции и феноменов знания и мнения в целом. К ним можно отнести по меньшей мере два типа установок, образующих интеллектуальные механизмы категоризации и концептуализации, – пропозициональные и собственно эпистемические. Пропозициональные установки, как ментальные состояния по отношению к содержанию высказывания, позволяют различать явное и имплицитное знание, а собственно эпистемические установки – дифференцировать поверхностную и глубинную информацию, соотносимую с «дологической и постлогической информацией» [3, с. 167]. Если поверхностная информация определяется как вероятность пропозиции без учета ее логической структуры и противоречий, возможно, входящих в ее состав, то глубинная – как мера сложности пропозиции, или возможности развернуть ее логическую структуру, воспроизводящую полную информацию о реальности. Раскрытие постлогической информации заключается в выявлении семантических связей с онтологией как предметной областью теории.

Культурный трансфер означает процесс переноса знаний между несоизмеримыми дисциплинарными областями, дискурсивными практиками, национальными и научными традициями и сообществами [4]. Результатом выступают взаимовлияние и дискурсивные смешения, или интерференция (трансфер), т. е. взаимное наложение одной концептуально-категориальной системы на другую. Согласно структуралистской парадигме для трансфера всегда недостаточно существующих кодов, поэтому эквивалентность между двумя системами знаний не может быть установлена, что обуславливает барьеры, границы или препятствия в понимании и коммуни-

кации. Таким образом, интерференция теоретико-познавательных традиций в категоризации и концептуализации государственности предполагает ряд методологических шагов, которые могут быть сформулированы, например, в соответствии с социальным реализмом Р. Коллинза [5, с. 11, 52]. Необходимо, во-первых, образовать интеллектуальную коалицию, которая позволит не только возобновить рефлексию, но и сформировать новые смыслы в контексте прежних идей государственности; во-вторых, учесть, что

изменения в смыслах вызваны преобразованиями в интеллектуальной коалиции; в-третьих, показать, что эти преобразования обусловлены трансформациями в социально-политическом бытии.

На данном проблемном основании формулируются цели настоящей статьи – выявить и раскрыть категориальные и концептуальные особенности динамики указанных образов и уточнить условия их культурного переноса в современные исследования государственности.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступали методологические подходы к изучению государственности, разработанные в новоевропейской философии. Теоретическую основу статьи составили разработки в области методологии научного познания Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса и Б. Спинозы, идеи и концепции по проблеме государственности Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка и Б. Спинозы. Используются современные исследования в области эпистемической логики Я. Хинтикки и политической эпистемологии Э. Марке.

В качестве научных методов выбраны компаративный и терминологический анализы. С помощью компаративного анализа критически сопоставлены разные способы решения проблемы государственности и их обоснования. Терминологический анализ позволил, во-первых, выявить в рамках компаративистики особенности категоризации и концептуализации как основы нормирования специальной лексики, во-вторых, проследить тенденцию в формировании словаря на основе термилируемых эпистемологических образов государственности.

Результаты и их обсуждение

Категориальные и концептуальные особенности эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии предопределены двумя подходами в становлении теоретико-познавательной традиции, связанной с внедрением новых идей на фоне прагматического переосмысления старых. Первый подход ориентирован на поиск способов легитимации знания и раскрывается на основе интеллектуальной коалиции Бэкон – Декарт – Спиноза. Второй подход направлен на поиск условий соотнесения теоретических схем как коррелятов идей с реальной практикой интерпретации и оценки социально-политического бытия и раскрывается на базе интеллектуальной коалиции Декарт – Гоббс – Локк – Спиноза.

В первой коалиции прослеживается двойственность эпистемологий Ф. Бэкона и Р. Декарта, в которой эмпирическое и теоретическое познание показаны как рефлекторные и рефлексивные способы решения проблемы разумности соответственно. Их холизм в интерпретации Б. Спинозы представлен в качестве условия преодоления парадоксов, противоречий, антиномий. Эмпиризм Ф. Бэкона, возникший под влиянием британского номинализма (особенно У. Оккама и Р. Бэкона) и ориентирующий исследователя на многообразие мира, обозначен введением в социально-философское познание новых интерпретаций опыта и научной индукции, что методологически было предопределено стремлением преодолеть безрезультативные средневековые споры и препирательства [6]. Коррелятом эмпириз-

ма Ф. Бэкона выступает естественно-опытное мышление, которое не придерживается классической трактовки закона тождества, так как ему не претят противоречия в качестве повода усомниться в правильности или истинности мыслей. Данный путь в теме государственности избрали Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм. Таким коррелятом можно рассматривать деятельную форму опытно-конструктивного мышления, которая стала предпосылкой промышленной революции в Англии и повлияла на динамику представлений о государственности в связи с развитием капитализма и появлением промышленного типа общества [7].

Согласно Ф. Бэкону, чтобы не исказить образ познаваемого объекта, необходимо исходить из его собственных имманентных законов. Искажение образа он связал с идолами – когнитивными препятствиями в категоризации, происходящими из особенностей рефлекторного (опытного) познания человека. В типологии идиолов Ф. Бэкон показал, что опыт не воспринимает данные, которые не подверглись предварительной категоризации, иначе говоря, он изначально является концептуальным. Реальность фиксируется в конкретных аспектах, т. е. в зависимости от референций, или обозначений объектов, и от коннотаций, или их интерпретаций. Эпистемологическое значение типологии идиолов заключается в критике опытного познания, базирующегося на обыденной индукции. Поскольку такая индукция осуществляется на основе случайной совокупности наблюдений, постольку ее результатом выступают

недостовверные и ненадежные знания о воспринятых объектах. Научные принципы и методы, основанные Ф. Бэконом в качестве оснований регулируемого опыта и индуктивного познания, были скорректированы в XIX в. Дж. С. Миллем и составили основы каузальной логики как эпистемологической базы аргументирования в социально-политическом знании.

Аргументируя неизбежность когнитивных искажений в повседневной эмпирике, Ф. Бэкон, как подметил И. С. Дмитриев, предложил «новый органон» для преодоления «массового безумия человеческого рода» [8, с. 181]. В качестве нового метода познания он должен был способствовать преодолению абсолютного доминирования в познании, во-первых, метода Аристотеля, положившего, по Ф. Бэкону, начало искусству безумия, во-вторых, диалектики Платона, направленной против софистики и условности истины. Таким путем Ф. Бэкон стремился предостеречь от двух ошибочных эпистемологических крайностей – подавления и ослабления разума. Первая крайность выражается в окончательности утверждений, ведущей к интеллектуальным конструкциям доктринального или догматического характера. В качестве аргумента он выбрал философию Аристотеля, которая своими полемическими опровержениями уничтожила остальные философии, заново поставив вопросы таким образом, что все оказалось несомненным и определенным [6, с. 31–32]. Вторая крайность заключается в «акаталепсии, смутных, расплывчатых умозрениях» [6, с. 33]. Она аргументируется Ф. Бэконом посредством ссылки на опыт школы Платона, которая «ввела акаталепсию сначала... для забавы и насмешки, из ненависти к древним софистам – Протагору, Гиппию и остальным, которые больше всего боялись показаться сомневающимися в чем-либо» [6, с. 33]. Признание вероятности или относительности знаний приводит к тому, что «человеческая душа, раз она отчаялась найти истину, становится менее деятельной» [6, с. 33].

Выражением эмпирической позиции Ф. Бэкона в эпистемологии государственности Нового времени выступает непосредственная юридическая практика. Она связана с конструированием содержательной аргументации, неформальный характер которой обусловлен, с одной стороны, необходимостью выхода за пределы классического пропозиционального образа истины, с другой стороны, эпистемическими установками истины. Но практикующие юристы в конце XVI – начале XVII в. (например, Г. Гроций и С. Пуфендорф) не смогли непротиворечиво обосновать теорию естественного права, выводимого эмпирическим путем, на основе умозрительных принципов. Стремясь в соответствии с нуждами практики открыть имманентные (естественные) законы, управляющие общественными отношениями,

они ограничились лишь признанием в качестве таковых иррациональных инстинктов, истекающих из общего бытия и симпатий, но не из разума. Выразителем противоположной тенденции в эпистемологии выступил Р. Декарт.

В эпистемологии Р. Декарта стали различимы рефлексивное (дискретное) и аналоговое познание, восходящее к телу как протяженности, а также их двойственное единство. Но в этом единстве Р. Декарт, поставив результативность опыта под сомнение, редуцировал деятельность человека только к мыслительным процедурам. Научное познание, ограниченное чувственно воспринимаемыми, видимыми сторонами, или горизонтом восприятия, как в случае естественных неполитических прав, приводит к ложным мнениям или самообману, что преодолимо только посредством рефлексивного познания, или осознающего мышления (*cogito*). Р. Декарт поставил вопрос: «Разумно ли отдельному человеку замышлять переустройство государства, изменяя и переворачивая все до основания, чтобы вновь его восстановить?» Для преодоления трудностей, обнаруживающихся «при малейших преобразованиях, касающихся общественных дел», необходима «согласованность с требованиями разума» [9, с. 257]. Исходя из этого вердикта, Р. Декарт сделал заключение о том, что нельзя одобрить «беспокойного и вздорного нрава тех, кто, не будучи призван по рождению, ни по состоянию к управлению общественными делами, неумоимо тщится измыслить какие-нибудь новые преобразования» [9, с. 258]. В этом аспекте он близок не только к идее Платона о власти духовной элиты как лучшей форме управления, но и к современным концепциям меритократии.

Б. Спиноза в поисках лучшей модели для мышления объединил в своей эпистемологии государственности эмпирическую и рациональную аргументацию. Такой холизм направлен против допущения компромисса между слабо связанными силами. В эмпирике государственности для Б. Спинозы «центральным исходным пунктом... была и остается буржуазная революция, происшедшая в Нидерландах и уже назревавшая в других европейских странах» [10, с. 578]. Рационализация государственности включает конструирование аргументации на основе категории причинности, для чего доводы, сопровождающие изучение природной и общественной действительности, направлены на «развенчание тех фетишистских и антропоморфических идей, которыми человеческое представление наделило природу» [11, с. 592–593] и на утверждение принципа детерминизма.

В интеллектуальной коалиции Гоббс – Локк – Спиноза четко прослеживаются категоризация и концептуализация эпистемологических образов государственности в зависимости от их онтологической

нагрузки. Реализм государственности в философии Т. Гоббса вызван именно стремлением обосновать тот факт, что государство не является пустой социальной формой, а имеет субстанциальное содержание – онтологию конфликта и войны. Реализм Т. Гоббса стал результатом культурных переносов идей Фукидида и Н. Макиавелли, так как предыстория этого реализма восходит к труду «История Пелопоннесской войны» Фукидида и к политическому трактату «Государь» Н. Макиавелли. В частности, Т. Гоббс, по уверениям Ф. Бэкона и Л. Штрауса, следовал логике Н. Макиавелли, отказавшегося от идеальных представлений о хорошем обществе и жизни в поиске ответа на вопрос о правильном устройстве социума. Н. Макиавелли переориентировал политическую философию на учения, способные «эксплицировать различные обманы, аферы, ухищрения, пороки, мошенничество», приносящие государству и людям вред, для чего он писал «о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать» [12, с. 174–175]. Итальянский философ сместил ее с позиции «как человек должен жить» на то, «как люди живут на самом деле». Его «реалистический» протест заключался в замене человеческого совершенства и нравственной добродетели «патриотизмом, или просто политической добродетелью» [13, с. 170–171].

Концептуализация государства, по Т. Гоббсу, представляет собой аргументацию, обосновывающую неизбежность движения человеческого сообщества к государственности как средству преодоления парадоксальности естественного состояния. Государство возникает из общественного договора, который заключают люди, находясь в этом состоянии, когда все принадлежит всем и все имеют право на все. Парадокс неполитической естественности, означенный квантором общности, возникает при освещении вопроса равенства людей. При кажущемся равенстве людей от природы их равенство в физическом или умственном развитии оборачивается неравенством в социальном смысле. Таким способом Т. Гоббс осуществлял инверсию естественного состояния в состояние войны. Типология этого состояния включает соревнование (современный коррелят – конкуренция), недоверие и раздоры, или «борьбу из-за пустяков» [14, с. 48]. Движимый лозунгом «свобода, равенство и братство», Т. Гоббс в труде «Левиафан» обосновывал иную содержательную квантификацию – «война всех против всех», называя три ее основные причины (соперничество, недоверие и жажда славы). Они, соответственно, вынуждают человека «нападать друг на друга в целях наживы», «собственной безопасности» и «из соображений чести» [14, с. 48]. В частности, именно из естественного равенства, предопределяющего «равенство на достижение целей», «проистекает вза-

имное недоверие», а «из-за взаимного недоверия – война» [14, с. 47].

В стремлении преодолеть естественное состояние, характеризующееся бесконечной боязнью и опасностью насильственной смерти, создается, по Т. Гоббсу, общечеловеческое убеждение о необходимости государственной формы человеческого общежития. Важными его условиями выступают преодоление принципа «все принадлежит всем» и передача естественных прав государству как условие «царства разума» [14, с. 50]. Государство сильнее отдельного гражданина, поэтому только оно способно различить добро и зло, установить принципы справедливости и на их основе предоставить своим гражданам права и свободы. Таким способом Т. Гоббс, критически переосмысливая декартовский тезис о зависимости реальной жизни конкретного человека от его мышления, поставил социальный мир в зависимость от умения договариваться с другими и прислушиваться к коллективному разуму. Иначе восторжествует способность людей взаимно вредить друг другу, вытекающая из «тщеславного самолюбия, права всех на все» [14, с. 50]. Поэтому действия, происходящие «из выдумывания или предположения заведомо отсутствующих способностей» [14, с. 21] и подпитываемые лестью других, оказываются тщетными.

Легитимация государственности, по Т. Гоббсу, определяется его пропозициональными и эпистемическими установками, которые четко обозначил С. Пуфендорф. Это защита королевской власти от революционеров, которые «под предлогом борьбы за свободу сильно измучили Англию» [15, с. 145], и отстаивание против фанатиков верховенства высшей гражданской власти над церковью. Отождествив знание и власть, Т. Гоббс разработал тезаурус для анализа человеческих интересов. Используя кортеж *власть – интерес – политика*, он пытался объяснить, каким образом нужно устроить социальный порядок, т. е. объединить имманентность социального бытия людей и трансцендентность Левиафана, превосходящего каждого гражданина, несмотря на то что сам Левиафан вырастает из общества как конструкции, имманентной действиям граждан. По этой причине Т. Гоббса можно считать предвестником «фабрик мысли», отождествляющих производство знаний о фактах с политикой.

Если Т. Гоббс раскрывал государственность в рамках абсолютистской теории государства, обосновывая его как зло (Левиафан), но необходимое зло, а значит, добро для регулирования общественных отношений, то Дж. Локк, выступив против государства в таком значении, развивал концепцию государственности в контексте теории естественного права и общественного договора. Он исключал из концепции государства право индивида на сопро-

тивление, оставленное Т. Гоббсом как неизбежность в реалиях гражданской войны. Волонтаристский индивидуализм Т. Гоббса происходил из признания первенства личного права на самосохранение перед естественным законом, поэтому Дж. Локк, сохраняя предшествование индивида в аспекте его естественного права сообществу индивидов, ограничивал это право естественным законом, перенося таким способом акценты в сферу моральной регуляции. Это позволяет причислить концептуальные построения Дж. Локка, и отчасти Т. Гоббса, к практике культурных переносов в становлении классической теории естественного права (линия Аристотель – Цицерон и стоики – Аквинский).

Квинтэссенцией эпистемологической легитимации государственности Дж. Локком стал переход от фрагментарности к целостному нормативно-правовому единству. Он полагал, что естественное право, являющееся тройственным правом на собственность (правом на жизнь, свободу и имущество), обусловлено природой, а значит, появляется до государства. Оно происходит из двух форм естественного состояния, в которых находятся люди. Первая форма – «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [16, с. 262]. Вторая форма – «природное равенство людей» и «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого» [16, с. 262]. Но разрозненность в реализации естественных прав, например право на жизнь без права на собственность, право на собственность без права на свободу или невзаимный характер юрисдикций, указывает на необходимость делегировать государственной власти определенную часть естественных прав, чтобы защитить все остальные права.

Естественное право, составляя основу договорных отношений, служит объективным аргументом против произвола при разработке позитивного права, устанавливаемого государством. Наличие такого права означает переход от естественной свободы, не связанной ничем, «кроме закона природы», к «свободе человека в обществе» [16, с. 274], сопряженной с принятием «на себя обязательства подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [16, с. 317]. Границами свободы становятся законы, а «свобода следовать своему собственному желанию» распространяется на все случаи, «когда этого не запрещает закон», и, напротив, несвободным становится человек, зависимый «от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [16, с. 274]. Поэтому поли-

тическую власть Дж. Локк рассматривал в качестве права создавать законы, «применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государств» – «и все это только ради общественного блага» [16, с. 262]. Такую качественную особенность политической власти он поставил в зависимость от «правильного понимания» ее источника, основу которого составляют корреляции с опытом как источником конкретного, доступного, фактического знания. По этому поводу Дж. Локк говорил, что «отсутствие идей реальной сущности субстанций отсылает нас от наших мыслей к самим вещам, как они существуют» [17, с. 425].

Но именно в сопоставлении теоретических обобщений и эмпирики рождаются дилеммы государственности. В частности, в эпистеме Дж. Локка создание государства как института, возвышающегося над обществом, предполагает делегирование ему такой части естественных прав, которые необходимы и достаточны для нормального функционирования общества. Но любые попытки определить модальные рамки необходимости и достаточности всегда будут создавать дилеммы государственности между объемом делегированных прав и степенью отчужденности государства в качестве автономной силы, поддерживающей социальную нормальность. Дж. Локк не анализировал подобные дилеммы как неизбежные парадоксальности.

Истоки парадоксальности, обусловленные имманентностью действий и интересов, а также трансцендентностью государства, превосходящего индивидуальные возможности действующих акторов, обнаружил Б. Спиноза. Его эпистемология государственности начинается с признания того факта, что неустойчивость сложно подчинить каким-либо принципам, не впадая при этом в противоречия. С одной стороны, государство и принимаемые им законы выступают в качестве исходного пункта (мерила) в установлении прав и свобод человека, с другой стороны, права и свободы человека являются мерлом законности государства. Но «пока естественное право людей определяется мощью каждого и принадлежит каждому в отдельности, до тех пор оно ничтожно», существуя «скорее в воображении, нежели в действительности, ибо осуществление его совершенно не обеспечено» [18, с. 14]. Обеспечение естественных прав людей возможно во взаимодействии двух их статусов – граждан и подданных. Первые «по гражданскому праву пользуются всеми выгодами государства», а вторые «обязаны подчиняться установлениям» государства [18, с. 18].

Б. Спиноза, осознав необходимость открытой системы знаний в осмыслении политических процессов и ее непреодолимую противоречивость, выступил против позиции Р. Декарта. Он подчеркнул, что причины и естественные основы государства «сле-

дует искать не в указаниях разума, но выводить из общей природы или строя людей», так как «люди повсюду находятся в общении и образуют некоторое гражданское состояние» [18, с. 8]. Необходимость существования государства и законов обусловлена именно склонностью людей к аффектам, поэтому, как подчеркивал И. П. Разумовский со ссылками на работу «Этика» Б. Спинозы, «подлинная свобода заключается в умении сдерживать свои аффекты, рабство – в бессилии сдержать их» [10, с. 578]. По этой причине человек «более свободен в гражданском обществе, чем в уединении» [10, с. 578]. Подобная свобода сопряжена с деятельностью и реализацией интересов, что в современных социальных науках фиксируется как прагматический поворот, объединяющий объективизм и феноменологический конструктивизм в рамках методологической платформы социального конструктивизма.

Прагматика государственности подразумевает объединение сознания и деятельности индивидов с социальной средой их взаимодействия. Для ее разработки методологически значим трансфер идей Т. Гоббса и Дж. Локка, связанных с актуализацией категорий «сила» и «интерес», посредством которых реконструируется реверсивная сторона государственности и политической власти как основы государства – «сила интереса» и «сила слова». Как считал Э. Марке, Т. Гоббс акцентировал внимание на проблеме взаимосвязи интереса и «силы языка и слова», обусловленной «соотношением актов власти и общения», «свободой слова и связью перформативных ценностей, речей и действий (поступков)»¹ [19, р. 165–169]. Перформативные ценности языка он раскрывал посредством коммуникативной специфики использования имен и прагматических концептов, например связи мыслей и действий, последовательности в мыслях, благоразумия и предусмотрительности в действиях, злоупотребления речью [14, с. 7–14]. Это позволяет назвать Т. Гоббса первым политехнологом, интерпретировавшим силу слова в контексте перформативных значений, в которых слова равносильны поступку (обещания, клятвы, предупреждения и др.). Для генерирования таких значений «кто-то должен сам что-то сделать, чтобы вызвать желаемое убеждение» [20, с. 115]. Это означает, что перформативная детерминация влечет изменение объекта (следствие) при воздействии на него другого объекта (причины).

Т. Гоббс считал познание политической истины несовместимым с риторикой, аргументируя это тем, что демагогическое злоупотребление речью привело к Пелопоннесской войне [14, с. 10, 35, 42]. Государство должно опираться на «разумный метод

поиска политической истины» [21, с. 375], а не на ораторское искусство, ассоциируемое с эгоистичностью и тщеславностью индивидов, превращающих риторику в инструмент достижения личных целей, а не общего блага. Солидаризируясь с рационализмом Р. Декарта, Т. Гоббс подвергал критике неупорядоченную связь мыслей. Она «не скреплена намерением и непостоянна» и свойственна, как правило, тем людям, которые «не только находятся вне общества, но и ничем определенным не озабочены» [14, с. 7]. Все то, что такой человек может себе представить, является конечным, поэтому, заключал Т. Гоббс, он не имеет «...никакой идеи, никакого понятия о какой-либо вещи, называемой нами бесконечной. Он не может иметь в своем уме образ бесконечной величины, точно также как он не может себе представить бесконечной скорости бесконечного времени, бесконечной силы или бесконечной власти» [14, с. 9].

В эпистемологии государственности Дж. Локка происходит прагматический сдвиг в исследовании языка, на который указывает обоснование необходимости отличать слово как продуманность от действия в качестве чего-то опрометчивого или поспешного [16, с. 269]. Дж. Локк подвергал критике бессубъектный смысл языковых знаков, подчеркивая тесную связь между идеями и словами. В частности, он уточнял значение понятия «государство», которое иногда неточно ассоциируют с идеей демократии. Под государством следует понимать «не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество... которое латиняне обозначили словом “*civitas*”» [16, с. 337]. Оно наиболее строго соответствует понятию «государство», так как точнее выражает такое сообщество.

Обоснование Дж. Локком силы связи между идеями и словами привело к различению двух способов использования языка – философского и гражданского [19, р. 265–267]. Они по-разному снимают неопределенность идеи, закрепляемую в слове и приобретающую символическое значение. Философское использование языка стремится снять неопределенность посредством категоризации и концептуализации. Гражданское (повседневное) использование ограничено понятийными (аналоговыми) образами действительности. В этих образах присутствуют дескриптивные и регулятивные части значений различных понятий, но они слабо связаны между собой или такая связь вовсе отсутствует, что делает их идолами, ограниченными индивидуальным жизненным контекстом. По этой причине гражданскому использованию языка не свойственна категоризация и концептуализация.

¹Перевод наш. – С. В.

Напротив, философская категоризация выполняет функцию связывания различных понятий, или установления смысловой связности, и, относя объект к какой-либо категории, расширяет представ-

ления о нем посредством дополнительных признаков, составляющих экспрессивно-прагматическое и деятельно-функциональное значения, обусловленные ситуациями использования.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, выявленные категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии методологически вызваны двойственностью эмпирических и рациональных подходов. Решающее значение двойственности эмпирики и рациональности обусловлено необходимостью согласования опытного знания и рационально-умозрительных способов решения проблем (идея Б. Спинозы). Таким образом, в конструировании причинной онтологии государственности эмпирическое познание должно быть ограничено недопущением выхода за границы имманентности (идея Ф. Бэкона), а рациональное – монотонными дискретными принципами терминологической строгости (идея Р. Декарта).

Во-вторых, раскрытые категориальные и концептуальные особенности указанной динамики предопределены пропозициональными и эпистемическими установками. Их решающее значение вызвано семиотической стандартизацией онтологии государственности, осуществляемой на уровнях семантики и прагматики. Пропозициональные установки, как ментальные состояния по отношению к содержанию высказывания, продиктованы онтологией и выявляются на категориальном уровне (неполитическая естественность, естественный закон, естественная свобода, общественный договор, свобода в обществе, сила, интерес и др.). Эпистемические установки представляют собой умозрительные системы допущений, в пределах которых становится объяснимой специфика раскрываемых аспектов государственности и верифицируется смысл категорий посредством уточ-

нения семантического способа данности объекта в языке. Такими установками выступают нормативно-правовое единство, философское и гражданское использование языка у Дж. Локка, склонность к аффектам как типическое гражданское состояние у Б. Спинозы.

В-третьих, категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности выявляются и раскрываются на уровнях их явных (или скрытых) и поверхностных (или глубинных) структур. Если пропозициональные установки позволяют различать явное (выраженное в языке) и скрытое (имплицитное модальным контекстом) знание, то эпистемические установки – поверхностное (индифферентное к установлению четких логических структур) и глубинное (не исключающее локализацию противоречий, освещение аспектов государственности) знание. В частности, различия концептуальных подходов (меритократия Р. Декарта, реализм Т. Гоббса, номинализм Дж. Локка и их двойственность в интерпретации Б. Спинозы) предопределены отличиями в выборе явных категориальных переменных из иерархии *индивид – общество – государство*, а также устанавливаемой системой допущений, задающей диалектику эмпирического и рационального в познании.

В-четвертых, культурный трансфер выявленных категориальных и концептуальных особенностей в современные исследования государственности, включая белорусскую государственность [22], возможен только в динамике их взаимосвязей, реконструируемых в пространстве новоевропейской философии. Иначе терминологические границы размываются и концепции становятся спорными, легко дискредитируемыми или опровержимыми.

Библиографические ссылки

1. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2015. 576 с.
2. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22.
3. Хинтиikka Я. *Логико-эпистемологические исследования*. Брюшинкин ВН, Наппельбаум ЭЛ, Никифоров АЛ, переводчики. Москва: Прогресс; 1980. 448 с.
4. Легчилин АА, Дудчик АЮ. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX веков. *Философские науки*. 2020;63(10):88–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1280 с.
6. Бэкон Ф. Новый Органон. В: Бэкон Ф. *Сочинения в двух томах. Том 2*. Александрова ЗЕ, Гутерман АН, Красильщиков С, Лагутин ЕС, Федоров НА, переводчики. Москва: Мысль; 1978. с. 5–214.
7. Мокир Дж. *Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг.* Эдельман Н, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 792 с.

8. Дмитриев ИС. Веселая наука Фрэнсиса Бэкона. *Эпистемология и философия науки*. 2020;57(1):181–201. DOI: 10.5840/eps202057114.
9. Декарт Р. Рассуждение о методе. В: Декарт Р. *Сочинения в двух томах. Том 1*. Васильев СФ, Гарнцев МА, Сретенский НН, Шейнман-Топштейн СЯ, переводчики. Москва: Мысль; 1989. с. 257–258.
10. Разумовский ИП. Спиноза и государство. В: Майданский АД, составитель. *Бенедикт Спиноза: pro et contra*. Санкт-Петербург: РХГА; 2012. с. 578–590.
11. Деборин АН. Мировоззрение Спинозы. В: Майданский АД, составитель. *Бенедикт Спиноза: pro et contra*. Санкт-Петербург: РХГА; 2012. с. 591–602.
12. Бэкон Ф. Лучшие мысли, афоризмы, постулаты и изречения Ф. Бэкона. В: Бэкон Ф. *Фрэнсис Бэкон*. Бронштейн СА, переводчик. Минск: Современное слово; 1998. с. 3–295.
13. Штраус Л. *Естественное право и история*. Адлер Е, Путько Б, переводчики. Москва: Водолей Publishers; 2007. 312 с.
14. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Гутерман А, переводчик. Москва: Мысль; 2001. 479 с.
15. Пуфендорф С. О происхождении и прогрессе науки естественного права. Социлин АА, переводчик. *Этическая мысль*. 2017;17(1):136–149.
16. Локк Дж. Два трактата о правлении. В: Локк Дж. *Сочинения в трех томах. Том 3*. Давидсон ЮМ, Лагутин ЕС, Семенов ЮВ, Федоров НА и др., переводчики. Москва: Мысль; 1988. с. 137–405.
17. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга IV. В: Локк Дж. *Сочинения в трех томах. Том 1*. Савин АН, переводчик. Москва: Мысль; 1985. с. 135–582.
18. Спиноза Б. *Политический трактат*. Роговин ВМ, переводчик. Москва: Юрайт; 2018. 110 с.
19. Marquer É. *Art de penser et art de parler. Politique et poétique du langage dans la philosophie modern*. Paris: Classiques Garnier; 2019. 551 p.
20. Хинтика Я. Рене мыслит, следовательно, Картезий существует. Лахути Д, переводчик. *Вопросы философии*. 2014;7:115–124.
21. Цанава БЗ. Понятие политического в философии Т. Гоббса. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2020;16(3): 375–396. DOI: 10.21638/spbu23.2020.305.
22. Гигин ВФ. Методологические основы изучения современной белорусской государственности. В: Кострица СЯ, Лапковская ЕН, Михайлова НС, Семерник СЗ, редакторы. *Образование в современном мире: горизонты и перспективы*. Гродно: ЮрСаПринт; 2018. с. 180–188.

References

1. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: The Free Press; 1992. 446 p.
Russian edition: Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2015. 576 p.
2. Vorobyova SV, Liahchylin AA. Cross-cultural bases of tendencies of civilisation development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:17–22. Russian.
3. Hintikka Ja. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and epistemological studies]. Bryushinkin VN, Nappeľbaum EL, Nikiforov AL, translators. Moscow: Progress; 1980. 448 p. Russian.
4. Liahchylin AA, Dudchik AY. Transfer of foreign ideas to the philosophical culture of Belarus in the 19th and 20th centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63(10):88–102. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Kollins R. *Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change*. Cambridge: Belknap Press; 2000. 1120 p.
Russian edition: Kollins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Rozov NS, Vertgeim YuB, translators. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. 1280 p.
6. Bacon F. [New organon]. In: Bacon F. *Sochineniya v dvukh tomah. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Aleksandrova ZE, Guterman AN, Krasil'shchikov S, Lagutin ES, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1978. p. 5–214. Russian.
7. Mokyr J. *Enlightened economics. Britain and the Industrial Revolution 1700–1850*. London: Penguin books; 2011.
Russian edition: Mokyr J. *Prosveshchennaya ekonomika. Velikobritaniya i promyshlennaya revolyutsiya 1700–1850 gg*. Yedel'man N, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2017. 792 p.
8. Dmitriev IS. The gay science of Francis Bacon. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;57(1):181–201. Russian. DOI: 10.5840/eps202057114.
9. Descartes R. [Reasoning about the method]. In: Descartes R. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in two volumes. Volume 1]. Vasil'ev SF, Garntsev MA, Sretenskii NN, Sheinman-Topshtein SYa, translators. Moscow: Mysl'; 1989. p. 257–258. Russian.
10. Razumovskii OP. [Spinoza and the state]. In: Maydanskii AD, editor. *Benedikt Spinoza: pro et contra* [Benedict Spinoza: pro et contra]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2012. p. 578–590. Russian.
11. Deborin AM. [Spinoza's worldview]. In: Maydanskii AD, editor. *Benedikt Spinoza: pro et contra* [Benedict Spinoza: pro et contra]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2012. p. 591–602. Russian.
12. Bacon F. [The best thoughts, aphorisms, postulates and sayings of F. Bacon]. In: Bacon F. *Frensis Bekon* [Francis Bacon]. Bronshtein SA, translator. Minsk: Sovremennoe slovo; 1998. p. 3–295. Russian.
13. Strauss L. *Natural right and history*. Chicago: The University of Chicago Press; 1999. 336 p.
Russian edition: Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya*. Adler E, Put'ko B, translators. Moscow: Vodolei Publishers; 2007. 312 p.
14. Hobbes T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, the form and power of the ecclesiastical and civil state]. Guterman A, translator. Moscow: Mysl'; 2001. 479 p. Russian.
15. Pufendorf S. On the origin and the progress of the science of natural law. Sochilin A, translator. *Ethical Thought*. 2017;17(1):136–149. Russian.

16. Locke J. [Two treatises on government]. In: Locke J. *Sochineniya v trekh tomah. Tom 3* [Works in three volumes. Volume 3]. Davidson YuM, Lagutin ES, Semenov YuV, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1985. p. 137–405. Russian.
17. Locke J. [Experience of human understanding. Book IV]. In: Locke J. *Sochineniya v trekh tomah. Tom 1* [Works in three volumes. Volume 1]. Savin AN, translator. Moscow: Mysl'; 1985. p. 135–582. Russian
18. Spinoza B. *Politicheskii traktat* [Political treatise]. Rogovin VM, translator. Moscow: Yurait; 2018. 110 p. Russian.
19. Marquer É. *Art de penser et art de parler. Politique et poétique du langage dans la philosophie modern*. Paris: Classiques Garnier; 2019. 551 p.
20. Hintikka Ja. René thinks ergo Cartesius exists. Lakhuti D, translator. *Voprosy filosofii*. 2014;7:115–124. Russian.
21. Tsanova BZ. The concept of the political in the philosophy of Thomas Hobbes. *Political Expertise: POLITEX*. 2020;16(3):375–396. Russian. DOI: 10.21638/spbu23.2020.305.
22. Gigin VF. [Methodological foundations for the study of modern Belarusian statehood]. In: Kostitsa SYa, Lapkovskaya EN, Mikhailova NS, Semernik SZ, editors. *Obrazovanie v sovremennom mire: gorizonty i perspektivy* [Education in the modern world: horizons and prospects]. Hrodna: YurSaPrint; 2018. p. 180–188. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.12.2021.
Received by editorial board 20.12.2021.